Монография завершается комментарием к D. 11. 3. 14. 1 (Paul. 2 ad ed.) относительно совращения сына или дочери домовладыки. В этом случае отцу дается иск по аналогии (*actio utilis*), чтобы защитить *dignitas* своей семьи (с. 170–171).

Итак, монография М. де Филиппи «*Dignitas: от Республики до Принципата*» представляет собой глубокое и тщательное исследование одного из ключевых понятий римской культуры. Анализируя в первых двух главах всевозможные контексты – литературные, философские риторические и юридические произведения, – она показывает, пожалуй, весь спектр значений этого слова. К сожалению, третья глава выглядит слишком мозаичной. Читатель получает исчерпывающее представление о том, как влияло представление о *dignitas* римского аристократа на отдельные составляющие его правового статуса, но механизм функционирования представлений о *dignitas* в системе римского права, на мой взгляд, остается не до конца раскрытым. Тем не менее наблюдения и выводы по каждому параграфу в целом выглядят вполне обоснованными и, я уверена, представляют интерес для любого историка Древнего Рима.

Литература

Смышляев А.Л. 2008: «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // Древнее право = *Ius antiquum* 2 (22). М., 2010, 76–96.

David J.-M. 1992: *Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine*. Rome.

Garnsey P. 1970: *Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire*. Oxf.

Hellegouarc'h J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la République*. P.

López Barja de Quiroga P. 2007: *Imperio legitimo: el pensamiento político en tiempos de Cicerón*. Madrid.

Peachin M. 1996: *Iudex vice Caesaris*. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate. Stuttgart.

Е.С. Крилицына,
аспирантка Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

N. COFFEE. *The Commerce of War: Exchange and Social Order in Latin Epic*. Chicago–London: The University of Chicago Press, 2009. XI, 326 p.

Монография Нила Коффи¹ – одна из довольно многочисленных в последнее время работ, в которых римские эпические тексты рассматриваются как своего рода описание устройства общества. Действительно, нарративный текст всегда некоторым образом описывает социальные отношения. О римском эпосе писали как о модели коммуникации², гендерных отношений³, политической реальности⁴, системы заместительного насилия в духе Рене Жирара⁵. Рассматриваемая работа предлагает посмотреть на эпос через призму экономических отношений. Экономика и – более широко – проблематика обмена несомненно присутствуют в эпосе и на уровне образности, и на уровне социальных моделей, так что такой взгляд явно уместен, и в не меньшей степени обращение к нему представляется на данном этапе полезным: до сих пор цельной обобщающей разработки он, насколько нам известно, не получал. В этом смысле рецензируемая монография должна заполнить, по-видимому, пустующее место.

¹ См. также краткую рецензию: Bernstein 2009. Н. Коффи защитил PhD в Университете Чикаго в 2003 г. (на тему: «*Belli Commercica: Violent Exchange in Vergil's Aeneid*»), работает в Университете Буффало. Это его дебютная монография, ранее он опубликовал несколько статей (материалы глав настоящей монографии, посвященных Стацию, см. Coffee 2006 и Coffee 2009; материалы глав о Лукане будут, видимо, перепечатаны отдельно в готовящемся к печати «*Brill's Companion to Lucan*»). Сейчас он работает над второй книгой под названием «*The Rhetoric of Economics in Classical Rome*».

² Мы назовем по каждому пункту несколько наиболее ярких из относительно недавних работ: Laird 1999; Smith 2005; Anzinger 2007.

³ Keith 2000; Richlin 1992; в духе Лакана: Hardie 2002.

⁴ McGuire 1997; Quint 1993; Dominik 1994.

⁵ Hardie 1993; Bandera 1994.

В основе подхода Коффи лежит идея «римской экономической морали», и он исходит из установок на то, чтобы «видеть в “экономике” категорию репрезентации»⁶. Это значит, что «экономика» – не частица объективной реальности, а нечто внутри сознания людей, и это сознание к тому же изменяется со временем. Поэтому автор стремится не проецировать категории собственного экономического мышления на исследуемые тексты, а скорее реконструировать категории экономического мышления римлян и исходить из них.

Базовая модель выстраивается на основе теоретических текстов Цицерона (прежде всего «Об обязанностях») и Сенеки («О благоденствиях»). Оппозиция «однаправленного» и «двунаправленного» обмена (*commodity exchange* и *reciprocal exchange*, т. е. преследующего собственную выгоду и заботящегося о другом, приблизительно: «коммерческого» и «безвозмездного») ⁷ дополняется различием положительного и отрицательного модуса в каждом типе. Правильный вариант безвозмездных отношений подразумевает щедрость, поддержание образующих общество связей посредством правильного обмена подарками и благоденствиями; но возможен и неправильный вариант «двунаправленности» – расточительность (это латинская оппозиция *liberalis–prodigus*, см. особенно *Cic. Off.* 2. 55–56). «Однаправленные» отношения обычно связываются с негативным вариантом «торгашества», но возможен также позитивный вариант «бережливости» (ср. особенно *Cic. Off.* 1. 151: в этом пассаже Цицерона оппозиция не выделена в виде лексической пары, на основе других текстов Коффи соотносит отрицательный тип с латинскими понятиями *venalis, faenus, merces*, а положительный – с понятиями *utilis, frugi bonae, parsimonia*).

Для анализа в свете этих оппозиций избраны три текста: «Энеида» Вергилия, «Фарсалия» Лукана и «Фиваида» Стация. Специального критерия для такого отбора нет (не исключено, что рассмотрение в этой перспективе других текстов – Валерия Флакка, Силия, «Ахиллеиды» Стация, возможно, «Метаморфоз» Овидия – дало бы какие-то не лишние интереса результаты). И все же выбор, как кажется, вполне оправдан: именно для этих трех текстов у Коффи есть цельная и последовательная интерпретация. Каждому тексту посвящено по две главы: в одной разбирается развитие темы обмена в отношениях между персонажами, в другой – использование образов, связанных с обменом, при характеристике отдельных персонажей.

Разбор социально-экономических отношений «Энеиды», конечно, имеет некоторый прообраз – исследование социально-экономических отношений в поэмах Гомера. Эта область не была обделена вниманием ученых, поскольку поэмы Гомера воспринимались не просто как художественный текст, но и как важный источник сведений об устройстве греческого общества на определенном этапе его истории. Проекция этих исследований на «Энеиду», римский ответ на поэмы Гомера, также предпринимались: Коффи прежде всего отталкивается от классической работы Антонио Ла Пенны⁸, приходя, однако, к выводам, прямо противоположным идеям своего предшественника.

Ла Пенна полагал, что социальные отношения «Энеиды» отражают повышение социальной мобильности в римском обществе вергилиевского времени, появление *homines novi*, и что поэтому социальные статусы персонажей в «Энеиде» менее стабильны, чем у Гомера (например, Нис и Эвриал – совсем не такие прославленные и именитые герои, как участники гомеровской «Долони», – тем не менее идут на подобающий героям и приносящий славу подвиг)⁹. Согласно Коффи, статусы персонажей Вергилия как раз твердо закреплены и границы между ними не нарушаются. Поэтому, например, снятие доспехов с поверженного противника, бывшее важным средством «заработать» статус, *τιμή*, в «Илиаде», почти отсутствует в «Энеиде». Энея интересует не столько его статус, сколько поддержание правильных отношений с богами и людьми (*pietas*), обеспечиваемое должным осуществлением безвозмездного обмена.

Такой акцент позволяет Коффи удачным образом сконцентрироваться на том аспекте поэмы, который, с одной стороны, явно был важен для Вергилия, а с другой – не очень понятен современному читателю. Зачем «Энеида» наполнена бесконечными описаниями жертвоприношений, обменов подарками? Просто для создания напоминающего традиционную поэзию «фона» или впечатления, что Эней – *pius*, «благочестивый»? В интерпретации Коффи все эти детали перестают выглядеть оформлением, украшениями наподобие знаменитого флюберовского барометра и становятся траекторией для весьма сложного движения мысли: получается, что поэма, собственно, и посвящена тому, как правильно и неправильно поддерживать порядок при помощи обмена.

Эней пытается выстроить этот порядок, но в целом эти попытки в поэме чаще оказываются неудачными, чем удачными. Троянская война началась из-за нарушения отношений гостеприимства и

⁶ Morris 1994, 351 (цит. на с. 7, прим. 25).

⁷ «Двунаправленность отличается от однаправленности безвозмездностью (*gratuitousness*)», с. 9.

⁸ La Penna 1971.

⁹ Коффи возражает, что Эвриал вообще-то «из рода Приама»: *Aen.* 9. 284 (с. 5, прим. 19).

закончилась благодаря нехорошему «подарку» (троянскому коню); Эней дарит Дидоне неправильные подарки, ассоциирующиеся с нарушением дружеских отношений (покрывало, в котором Елена бежала с Парисом, и жезл Илионы, жены вероломного Полиместора: Аен. 1. 647–655); Латину он дарит принадлежавшие Приаму предметы (Аен. 7. 243–248), не думая о том, что Латин тоже старый царь, у которого все дети мужского пола погибли (Аен. 7. 50–51)¹⁰; тело Палланта Эней возвращает Эвандру под покрывалом, сотканном брошенной и погубленной им самим Дидоной (Аен. 11. 72–75). С другой стороны, «однонаправленное», ориентированное на собственную выгоду отношение к миру в поэме маркировано отчетливо негативно: оно связано с Синоном, Юноной (ср. особенно Аен. 7. 317), карфагенянами, Турном (знаменитую перевязь Палланта, за которую Эней и убивает Турна, Турн не посвящает богам, как Эней, а забирает себе, как гомеровские герои).

В итоге общая интерпретация «Энеиды» занимает какую-то промежуточную позицию в современных дискуссиях между «пессимистической» и «оптимистической» школами¹¹: Эней, по Коффи, – не негативный образ, но и совершенного оптимизма в поэме нет. Впрочем, оппозиции между школами в работе не уделяется особенного внимания.

Хотя отдельные аргументы Коффи и бывают иногда натянутыми¹², в целом применение избранного им подхода к «Энеиде» кажется весьма удачным. Тем неожиданнее, что раздел, посвященный «Фарсалии» Лукана (эпосу, наиболее непосредственно реагирующему на историческую действительность и, как кажется, наиболее активно пользующемуся экономической метафорикой), как раз выглядит не очень получившимся. Здесь точкой отсчета для автора стала глава из монографии Мэтью Роллера¹³, посвященная концепциям морали в «Фарсалии». Надо сказать, что и сама работа Роллера интересна прежде всего своим сопоставительным материалом, выделяемые им этические модели самой поэмы, собственно, лежат на поверхности. Точно так же невооруженным взглядом видно и то, что Лукан очень любит яркие негативные образы «продажности» и «торгашества».

По Коффи, «Фарсалия» исходит из той же самой системы ценностей, что и «Энеида», но описывает мир, в котором совершенно не осталось места никаким отношениям безвозмездности и узам *pietas* или гостеприимства – узам, образующим основу общества. Связь с богами поддерживает только Эрихто, которая даже не просит их по принципу *do ut des* (это было бы коммерческим отношением к богам), а просто шантажирует. Цезарь, хотя и стремится создать для себя репутацию человека, заботящегося о поддержании безвозмездного обмена, на самом деле изображен как неправильный вариант Энея: к богам он относится требовательно, и жесты безвозмездности только маскируют его «однонаправленное» мышление. Помпей же пытается по-настоящему ухватиться за ушедшую в прошлое «двунаправленность», она-то и приводит его к поражению и смерти (поскольку египтяне убивают его, когда он решает положиться на узы гостеприимства). Катон представляет другой, более архаически римский вариант правильных отношений – бережливость. Но и эта система ценностей не имеет достаточно сильной поддержки и обречена на поражение.

Не вполне банальна в этой модели, пожалуй, только трактовка Цезаря и Помпея через оппозицию корыстности и безвозмездности. Коффи пытается проследить связь между негативными образами коммерческих отношений и Цезарем, и в какой-то степени это ему удается, что в общем естественно, ведь и Цезарь обычно ассоциируется у Лукана со всем негативным. Но из того, сколько натяжек приходится при этом делать, видно, что даже эта связь на самом деле вряд ли является систематической.

Например, автор утверждает (с. 150 сл.), что, хотя образ взвешивания (судеб) появляется в поэме и в связи с Помпеем и Катонем, только применительно к Цезарю весы мыслятся как контролируемые им (понятно, насколько сложно недвусмысленно подтвердить такое утверждение примерами: прямо ничего такого у Лукана не сказано). Отсюда делается вывод, что Цезарь замещает отсутствующего в поэме Юпитера (поскольку у Гомера Зевс тоже взвешивает судьбы на весах). В качестве подтверждения указывается на сравнение Цезаря с молнией (Лус. 1. 151–157, во вводной характеристике Цезаря). Но ведь молния и сам Юпитер – не одно и то же; на основе того же самого сравнения при

¹⁰ Коффи полагает, что сын был один (с. 54), но это вообще не следует однозначно из текста Вергилия. Согласно Сервию, их было двое, хотя версия Сервия противоречит Вергилию в том, что эти два сына дожили до приезда Энея.

¹¹ Для ознакомления см., например, Galinsky 1988; Putnam 1999.

¹² Например, не вполне очевидно, что кони, подаренные Латинем Энею, – дурной дар только потому, что описание их происхождения (Аен. 7. 280–283) устроено так же, как и описание происхождения коней, отобранных Диомедом у Энея в «Илиаде» (II. 5. 265–273) (с. 54).

¹³ Roller 2001, 17–63. Другая важная работа о моралистической риторике Лукана, Verti 2004, также была известна Коффи, но повлияла на него в меньшей степени.

желании можно было бы сказать, что Цезарь как раз не контролирующийся субъект, а направляемый, произвольно бросаемый объект.

С другой стороны, Помпей Коффи пытается соотнести с отношениями безвозмездности, и тоже не без сложностей. Чтобы подтвердить, что симпатию людей Помпей приобретает подарками, он переводит фразу: *immodicas possedit opes, sed plura retentis / intulit* (Luc. 9.197–8) как «Он (Помпей) владел неумеренным количеством богатств, но он также отдал из них в римскую казну больше, чем оставил себе» (с. 156). Если вдуматься, это какая-то совершенно безумная картина: на самом деле, конечно, имеется в виду всего-навсего, что Помпей «принес (своими военными походами) казне еще больше денег, чем удержал для себя»¹⁴.

Вокруг поэмы Лукана существует спор об общей интерпретации, напоминающий споры об «Энеиде». Одна школа полагает, что Помпей и Катон изображены с симпатией, как стоический «совершенствующийся» (*proficiens*) и стоический «святой», другая – что образы Помпея и Катона карикатурны и поэт не симпатизирует ни одной из сторон¹⁵. Коффи, опять же, занимает некую промежуточную позицию (Помпей не негативный образ, но и не стоический «совершенствующийся»), но на этот раз высказывается о дискуссии подробнее (с. 152), предлагая новый аргумент в этом споре. Окончательным мнением Лукана о Помпее, по его мнению, следует считать то, которое отражено в последних книгах. Сама по себе эта идея – вариант старой точки зрения, что воззрения Лукана менялись по ходу написания поэмы. Ново доказательство: раз мы знаем, что Лукан при жизни опубликовал первые три книги поэмы и в конце поэма оборвана, можно предположить, что писал он книги по порядку. Аргумент откровенно неудачный: вообще-то в жизнеописании Лукана (так называемая *Vita Vassae*: это единственный источник сведений о частичной прижизненной публикации поэмы) просто сказано, что при жизни поэт опубликовал три книги, без уточнения, какие именно: первые три или нет.

Таким образом, убедительные выводы Коффи о «Фарсалии» достаточно банальны, а чуть более сложные утверждения выглядят шаткими. Может быть, экономические образы у Лукана просто вообще не обладают такой системностью, как у Вергилия и Стация.

Зато последняя часть монографии, посвященная «Фиваиде» Стация, как кажется, получилась у Коффи особенно хорошо. Удачным образом он не стал цепляться за одни и те же оппозиции, но позволил тексту Стация самому определить подход исследователя и внести в него необходимые изменения. В результате в центре этого рассмотрения оказывается другая экономическая модель – модель потребления и растраты. Таким образом «Фиваиду» получается поставить в один ряд с вообще-то очень непохожими на нее «Сильвами»: если «Сильвы» описывают с позитивной, эстетизирующей стороны роскошь и потребление в Риме Флавиев, то «Фиваида» – осмысление негативных последствий потребления на другом уровне.

Таким образом, контекстом для интерпретации «Фиваиды» для Коффи служат скорее исследования «Сильв»¹⁶. После того как процесс реабилитации «Фиваиды» завершился появлением нескольких классических работ, описывающих своего рода «пессимистическую теологию» поэмы¹⁷, посвященные ей крупные исследования оставляют впечатление некоторого застоя: в основном они повторяют тезисы работ 1980–1990-х годов в различных комбинациях с модными в современной науке темами¹⁸. Более интересными кажутся в последнее время небольшие работы, в не вполне обычном ключе разбирающие какие-то отдельные темы «Фиваиды»¹⁹. Две главы рецензируемой книги, посвященные Стацию, относятся к их числу.

В центре разбора Коффи оказывается несколько образных рядов: потребление как растрата, расход, уничтожение – потребление как еда – подсчет потраченного. Самый яркий из них, – конечно, связанный с едой, пиром. Когда Тидею устраивают засаду 50 фиванцев и Тидей истребляет их, не случайно описывается, что именно на этом месте обитала Сфинга среди полусъеденных трупов своих жертв: ведь Тидей и сам связан с темой буквального поедания врага (перед смертью он вопьется зубами в голову смертельно ранившего его Меланиппа), и в истреблении фиванцев он сам оказывается похож на Сфингу. Описываемые пиры (в сравнении в *Theb.* 2. 79–88 и в рассказе Гипсипилы

¹⁴ См. Wick 2004, ad loc.; Seewald 2002, ad loc.

¹⁵ Тезисы первого направления см. Marti 1945, тезисы второго – например, Masters 1992; Bartsch 1997; Leigh 1997; две школы сопоставляются: Narducci 1999.

¹⁶ Например, Newlands 2002.

¹⁷ Ahl 1986; Feeney 1991; Hershkowitz 1998. Сюда следует еще добавить аналог «оптимистических» интерпретаций Вергилия и Лукана, работу, основные тезисы которой сейчас стали малопопулярны, но которая тем не менее весьма ценна: Vessey 1973.

¹⁸ Ganiban 2007 (комбинация общепринятых тезисов с метапоэтической интерпретацией), McNelis 2007 (комбинация общепринятых тезисов с интерпретацией в контексте поэтики Каллимаха).

¹⁹ Ср. Heinrich 1999; Pagán 2002; O’Gorman 2005.

в 5-й книге) переходят в резню, так что «потребление» (пищи) непосредственно переходит в «истребление» (людей). Очень часто убийство просто метафорически описывается в образах поедания (особенно увлекается Стаций двусмысленным глаголом *consumo*).

Юпитер, хотя на словах и испытывает некоторое сожаление о жертвах, на самом деле получает удовольствие от людской бойни (Коффи вполне принимает идеи о «пессимистической теологии» Стация) и как бы насыщается ею. Впрочем, и сожаление его объясняется тем, что обновлять уничтоженное человечество «затратно» (*iactura*: Theb. 7. 205–206). С Юпитером все время связана тема счета: он очень расчетлив и рачителен в своем отношении к «расходу», напоминая тем самым об исходных экономических моделях Коффи.

Никаких отношений обмена и примирения людям с богами установить обычно не удается. Приносящий себя в жертву Менекей думает, что он «покупает» (*emi*: Theb. 10. 764) у богов мир для Фив, но в итоге оказывается, что он просто «истрачен» (*impensus*: Theb. 11. 653) впустую: обещанного мира боги взамен не дают. Периодически повторяется в поэме образ фиванки Ниобы: она слишком хорошо умела считать детей, которых она произвела, и потому Аполлон и Диана «истребили» ее детей (*consumpta*: Theb. 6. 124, *consumperat*: Theb. 9. 682), так что теперь ей осталось подсчитывать утраты (Theb. 4. 576). С произведением нового у самих богов трудности, зато с потреблением все в порядке; и подсчитывать – это дело богов, смертных же ждет наказание, если они демонстрируют, что их умение вести счет порожденного превосходит способность богов пересчитывать потребляемое. Мир – это такой большой пир, в котором боги напоминают социальную элиту эпохи Флавиев.

Оппозиции Коффи позволяют также описать различие между Этеоклом и Полиником, которых обычно, в духе Жирара, считают абсолютно взаимозаменяемыми (в системе Жирара это довольно важный пункт: уже после победитель объявляет проигравшего источником насилия и ритуальной нечистоты, а исходно оба одинаково вовлечены в насилие и имеют равные шансы оказаться жертвой). Но на самом деле Стаций, по-видимому, действительно подразумевает, что между сыновьями Эдипа есть разница. Этеокл, как Юпитер, жаждет насилия и насыщается им, бездумно и расточительно растрачивая жизни своих подданных. Полиник не стремится к насилию самому по себе, а только к власти, но в определенный момент понимает, что между делом заплатил за это слишком многими чужими жизнями (*Tydea consumpsi!* – «я потребил Тидея»: Theb. 9. 60).

Таким образом, монография Нила Коффи в целом, полагаем, вполне достойна внимания. Некоторые, быть может, менее сильные места вполне компенсируются удачными ходами работы. И главное достоинство ее, пожалуй, даже не в том, что в ней есть, а в том, что в ней только намечено: автор разработал систему осмысления, вполне адекватную для понятийного и образного языка римской поэзии в целом; это категории, в которых, по-видимому, действительно будет полезно подумать и о многих других текстах.

Литература

- Ahl F.M.* 1986: *Statius' 'Thebaid': A Reconsideration* // ANRW. II. 32. 5, 2803–2912.
- Anzinger S.* 2007: *Schweigen im römischen Epos: Zur Dramaturgie der Kommunikation bei Vergil, Lucan, Valerius Flaccus und Statius*. B.–N.Y.
- Bandera C.* 1994: *The Sacred Game: The Role of the Sacred in the Genesis of Modern Literary Fiction*. University Park (PA).
- Bartsch S.* 1997: *Ideology in Cold Blood: A Reading of Lucan's Civil War*. Camb. (Mass.)–L.
- Bernstein N.W.* 2009: *Rev.: N. Coffee. The Commerce of War: Exchange and Social Order in Latin Epic*. Chicago, 2009 // BMCR. 2009. 11. 11.
- Berti E.* 2004: *Aspetti del moralismo nell'epica di Lucano* // *Lucano e la tradizione dell'epica latina* / P. Esposito, E.M. Ariemma (eds.). Napoli, 69–84.
- Coffee N.* 2006: *Eteocles, Polynices, and the Economics of Violence in Statius' Thebaid* // *AJPh*. 127, 415–452.
- Coffee N.* 2009: *Statius' Theseus: Martial or Merciful?* // *CPh*. 104, 221–228.
- Dominik W.J.* 1994: *The Mythic Voice of Statius: Power and Politics in the Thebaid*. Leiden–New York–Köln.
- Feeney D.C.* 1991: *The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxf.
- Galinsky K.* 1988: *The Anger of Aeneas* // *AJPh*. 109, 321–348.
- Ganiban R.T.* 2007: *Statius and Vergil: The Thebaid and the Reinterpretation of the Aeneid*. Camb.
- Hardie P.R.* 1993: *The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition*. Camb.
- Hardie P.R.* 2002: *Ovid's Poetics of Illusion*. Camb.

- Heinrich J.N.* 1999: Longa Retro Series: Sacrifice and Reception in Statius' Menoeceus Episode // *Arethusa*. 32, 165–196.
- Hershkowitz D.* 1998: *The Madness of Epic: Reading Insanity from Homer to Statius*. Oxf.
- Keith A.* 2000: *Engendering Rome: Women in Latin Epic*. Camb.
- La Penna A.* 1971: Spunti sociologici per l'interpretazione dell'Eneide // *Vergiliana: Recherches sur Virgile* / H. Bardon, R. Verdière (eds). Leiden, 283–293.
- Laird A.* 1999: *Powers of Expression, Expressions of Power: Speech Presentation and Latin Literature*. Oxf.
- Leigh M.* 1997: *Lucan: Spectacle and Engagement*. Oxf.
- Marti B.M.* 1945: The Meaning of the Pharsalia // *AJPh*. 66, 352–376.
- Masters J.* 1992: Poetry and Civil War in Lucan's 'Bellum Civile'. Camb.–N.Y. e. a.
- McGuire D.T.* 1997: *Acts of Silence: Civil War, Tyranny, and Suicide in the Flavian Epics*. Hildesheim–Zürich–New York.
- McNelis C.* 2007: *Statius' Thebaid and the Poetics of Civil War*. Camb.
- Morris I.* 1994: The Athenian Economy Twenty Years after 'The Ancient Economy' // *CPh*. 89, 351–366.
- Narducci E.* 1999: Deconstructing Lucan: Ovvero le nozze (coi fichi secchi) di Ermete Trismegisto e di Filologia // *Interpretare Lucano* / P. Esposito, L. Nicastrì (eds.). Napoli, 39–86.
- Newlands C.* 2002: *Statius' Silvae and the Poetics of Empire*. Camb.
- O'Gorman E.* 2005: Beyond Recognition: Twin Narratives in Statius' Thebaid // *Roman and Greek Imperial Epic* / M. Paschalis (ed.). Herakleion, 29–45.
- Pagán V.E.* 2002: The Mourning After: Statius Thebaid 12 // *AJPh*. 121, 423–452.
- Putnam M.C.J.* 1999: The Hesitation of Aeneas // *Virgil: Critical Assessments of Classical Authors* / P.R. Hardie (ed.). Vol. 4. L., 414–433.
- Quint D.* 1993: *Epic and Empire: Politics and Generic Form from Virgil to Milton*. Princeton.
- Richlin A.* 1992: Reading Ovid's Rapes // *Pornography and Representation in Greece and Rome* / A. Richlin (ed.). N.Y.–Oxf., 158–179.
- Roller M.B.* 2001: *Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome*. Princeton.
- Seewald M.* 2002: *Lucan. 9, 1–604: Ein Kommentar*. Göttingen.
- Smith R.A.* 2005: *The Primacy of Vision in Virgil's Aeneid*. Austin.
- Vessey D.W.T.C.* 1973: *Statius and the Thebaid*. Camb.
- Wick C.* 2004: *M. Annaeus Lucanus. Bellum civile. Liber IX: Kommentar*. München–Leipzig.

М.В. Шумилин,
аспирант Российского государственного
гуманитарного университета